

© 1991 г., СЭ, № 3

С. В. Кузнецов

## **СТАБИЛЬНОСТЬ И ДИНАМИКА В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ**

Теоретические проблемы исследования путей и форм эволюции культурных традиций получили достаточное освещение в последнее время в специальной литературе. Утвердился взгляд на традицию как на специфическую форму развития культуры, в рамках которой культура этноса и этническая культура конкретизируются как различные исследовательские объекты. Были выработаны различные подходы к пониманию принципов развития этнокультурных процессов. Большая часть исследователей склонна рассматривать эти процессы как результат диалектического взаимодействия традиций и новаций<sup>1</sup>.

Настоящая статья является попыткой продолжить разработку проблемы эволюции традиций путем перенесения центра тяжести на внутренние процессы, обеспечивающие в конечном счете это развитие. Речь идет о соотношении таких составляющих традиции как стабильность и динамика.

Автор не ставит перед собой задачу анализа всего многообразия развития культурных традиций, а ограничивается только сферой сельскохозяйственного производства, и еще уже — хозяйственными традициями в земледелии русских крестьян Центрального нечерноземного района Европейской России второй половины XIX в., точно так же и выводы, которые предлагаются читателям, не выходят за рамки означенной темы.

Земледельческие традиции русских крестьян — это сложившиеся устойчивые приемы обработки земли, ухода за посевами, жатвы и т. д., включающие как собственно агротехнику, так и соответствующие ей формы организации крестьянского труда, и эволюционирующие по мере изменения природно-климатических и социально-экономических условий, в которых велось в прошлом крестьянское хозяйство.

В более широком, универсальном значении хозяйственные традиции есть условие и форма существования земледельческой культуры. Поэтому анализ только агротехнических приемов, систем земледелия или классификация пахотных орудий, а равно изолированное изучение социально-экономических процессов русской деревни не отвечает нынешнему уровню понимания исследовательских задач, поскольку игнорируется самое важное и принципиальное: хозяйственные традиции — это форма существования земледельческой культуры как целостной системы и подходить к ней надо комплексно, т. е. используя все многообразие связей составляющих ее и взаимодействующих между собой факторов, тенденций.

Эмпирический характер знаний крестьянина, относительная примитивность сельскохозяйственных орудий требовали фиксации агротехнических приемов в общественном сознании и поиска способов передачи их от поколения к поколению, что достигалось благодаря закреплению и передаче опыта традиций<sup>2</sup>. Природная среда — климатические и микроклиматические условия, ландшафтная структура и пр. оказывали определяющее воздействие на формирование хозяйственных традиций, которые в хозяйственной деятельности крестья-

яинства проявлялись как совокупность устойчивых приемов. Ввиду относительной стабильности естественных условий хозяйствования земледельческие традиции, выражая высокий уровень адаптивности крестьянского хозяйства, характеризовались устойчивостью.

Если принять предложенное Э. С. Маркаряном понимание традиции как системы социально значимых стереотипов группового опыта<sup>3</sup>, то устойчивость следует определить как сущностную характеристику традиции, ее универсальное свойство независимо от содержания традиции и грани ее распространения. Устойчивость хозяйственных традиций можно понимать как общий принцип адаптации крестьянского хозяйства к специфическим условиям хозяйствования. Это не только результат обобщения хозяйственного опыта, но и условие его передачи и, следовательно, воспроизводства.

Вместе с тем, например, мозаичная ландшафтная и почвенная структура центра и части северо-востока Европейской России придавали устойчивости хозяйственных традиций своеобразный характер. Для понимания его необходимо выявить степень единства основных приемов в земледелии, которая характеризовала бы устойчивость хозяйственных традиций со стороны конкретного содержания традиций пространственных границ. Степень единства хозяйственных приемов для данной культурной традиции выявляется на локальном и микролокальном уровнях.

В пределах исследуемого района (локальный уровень) помимо общих генетических черт традиций (система земледелия, сельскохозяйственные орудия, способы землепользования и пр.) существовало великое многообразие сочетаний различных способов обработки земли, сева, унавоживания, приемов ухода за посевами, т. е. всего того, что составляло содержание хозяйственных традиций. Если выделить из их системы один из этапов сельскохозяйственных работ — унавоживание и рассмотреть его в интересующем нас аспекте, мы увидим, что при мозаичной почвенной и ландшафтной структуре выявить единство в определении крестьянами удобряемых участков и полос, а также норм вывоза навоза на единицу удобряемой площади, что отражает все возникающие в этом цикле хозяйственных работ взаимосвязи, не всегда представляется возможным. Как общую закономерность можно рассматривать стремление крестьян удобрять как можно большую площадь менее плодородных земель и меньшую — лучших по естественному плодородию почв.

В микролокальном варианте хозяйственные традиции отличались большим единством в силу того, что все стадии сельскохозяйственного производства, сроки, способы и порядок его были обусловлены сходными природно-климатическими и социально-экономическими микроусловиями, в каждом же отдельном случае (в каждой общине, а то и хозяйстве) выбор удобряемого участка, определение размеров удобряемой площади диктовались конкретными условиями хозяйствования и системой их взаимосвязей, прямых и опосредованных.

Нормы удобрения тоже не были постоянными и зависели от большого числа различного рода факторов. Во-первых, соотношение сенокосов, пастбищ и пахотной земли, а следовательно, обеспеченность скота кормами определяли количество и качество навоза, кроме того, нормы вывоза удобрения на десятину зависели от качества почв, ландшафта, микроклимата и пр., о чем уже приходилось говорить выше. Все было существенным, и в определенных хозяйственных ситуациях тот или иной фактор мог играть решающую роль. В одном только Нерехтском уезде источники фиксируют различное отношение крестьян к удобрению посевов. По официальным данным Губернского статистического комитета удобрение яровых полей — обычное явление<sup>4</sup>, а из неопубликованных документов губернского земства, можно сделать вывод, что местные крестьяне удобряют землю только под озимые посевы<sup>5</sup>. Причина разногласий не в недостоверности источников, а в реально сложившихся хозяйственных связях, особенностях структуры посевов, колебания внутри которой по уезду были довольно существ-

венны. В селениях, где значительное место отводилось посевам льна, хмеля, ячменя, вывоз навоза широко практиковался крестьянами. В случаях же нехватки навоза увеличивалась норма вывоза его на пар с пятисот до семисот пудов на десятину<sup>6</sup>.

В ходе полевой экспедиции в Костромской обл. летом 1989 г. автору довелось услышать рассказ о том, как в начале 1930-х годов его собеседницу командировали от одного из колхозов Судиславского р-на Костромской обл. в Нагорьевский р-н Ярославской обл. с целью научить местных колхозников ставить сжатую рожь в суслоны. В Судиславском р-не, где выпадает обычно довольно много осадков, этот способ вязания и складывания снопов сжатой ржи был традиционным. В суслонах в сухую погоду зерно дозревало, а во время обильных дождей меньше мокло, чем в крестцах, в которые составляли сжатую рожь в Ярославской обл. Сам по себе интересен факт использования традиционных агротехнических приемов в колхозах в начале коллективизации, что может послужить темой отдельной статьи. Нас же в данном случае привлекает возможность сопоставления и выявления различий в традиционных хозяйственных приемах, детерминированных микролокальными природно-климатическими условиями.

Единство приемов в земледелии русских крестьян как показатель уровня стереотипизации группового опыта лучше всего прослеживается, таким образом, на микролокальном уровне. На локальном уровне степень единства несколько ниже, что подтверждает идею о вариативности как способе бытования традиции<sup>7</sup> и вывод, сделанный М. М. Громько, о существовании различий «не столько по этнографическим зонам, сколько внутри районов в виде многочисленных вариантов»<sup>8</sup>. Таким образом, различия в отдельных приемах, смещение в сроках, последовательности выполнения различных сельскохозяйственных работ свидетельствуют об устойчивости традиций как одного из важнейших условий существования земледельческой культуры.

Как мне уже приходилось упоминать, в современной науке утвердилась точка зрения на традицию как механизм аккумуляции, передачи и актуализации человеческого опыта, т. е. культуры<sup>9</sup>. Но особенно плодотворным представляется взгляд на традицию как на бесконечный процесс движения и развития, в результате чего достигается качественно новый уровень культуры. Если воспроизводство земледельческой культуры происходило в результате обобщения хозяйственного опыта, его межпоколенной передачи и закрепления в соответствующих социально организованных стереотипах, то достижение качественно нового уровня культуры во многом обеспечивалось за счет присущей хозяйственным традициям динамики.

Динамичность традиции, способность ее к саморазвитию подтверждаются всем ходом развития систем земледелия. Сама по себе система земледелия не является показателем отсталости или прогрессивности сельского хозяйства. Она служит только индикатором и лишь в той мере, в какой она способствует развитию производительных сил земледелия или вступает в противоречие с ним. Думается, что к концу 70-х — началу 80-х годов XIX в. трехполье исчерпало свои внутренние потенции и вступило в противоречие с потребностями развития земледелия. Выходом из этого кризиса был переход к многополью.

В Ярославской губ. (Пошехонский уезд) истари существовал у крестьян обычай оставлять *пущаж*. Полосу в паровом поле, преимущественно ту, на которой хлеб родился особенно плохо, «запускали» под траву года на два, после чего она распахивалась снова и засеивалась рожью. За это время полоса, по выражению крестьян, достаточно «отдыхала» и давала затем удовлетворительный урожай<sup>10</sup>. Данный пример, несомненно, свидетельствует о том, что крестьяне осознавали ограниченность трехполья и пытались преодолеть его за счет заложенного внутри традиции потенциала самосовершенствования. Поэтому распространение *плодосменов* следует рассматривать не только как следствие влияния и механического заимствования, но и как результат эволюции

хозяйственных традиций — концентрированного опыта не одного поколения земледельцев.

Распространению и утверждению плодосмена в крестьянских хозяйствах способствовали два обстоятельства: «выход картофеля с огородов на поля» и введение полевого травосеяния, преимущественно клеверосеяния, которое, как отмечал Д. Н. Прянишников, сыграло важную историческую роль в повышении урожайности<sup>11</sup>. Не одно поколение исследователей подвергало критике трехполье как заскорузлую, дедовскую систему земледелия, а между тем она была достаточно гибкой и обеспечивала безболезненный переход к более прогрессивным системам<sup>12</sup>, так как допускала изменение привычного севооборота — введение клеверного поля одногодичного пользования.

Выделение четвертого поля — переломный момент в процессе перехода к плодосмену, а первым шагом к нему были посевы отдельными крестьянами клевера на огуменниках, приусадебной, арендуемой и купленной земле. В условиях общинного землепользования, когда пионеры травосеяния не встречали поддержки со стороны общины, использование для посева клевера этих участков не требовало согласия всех общинников.

Следующий этап становления плодосмена, который отразил сдвиг общественного сознания в сторону признания пользы клеверосеяния, — появление посевов клевера в паровом, озимом и яровом наделных полях. Судя по «Общинным описаниям крестьянских хозяйств», составленным на рубеже веков Ярославским губернским земством, наибольшее количество крестьянских посевов клевера при трехпольном севообороте приходилось на паровое поле. Посев клевера в пару после вывоза навоза позволял косить его дважды — первый раз в озимом поле (на следующий год) и второй раз в яровом. Таким образом, на одном месте клевер оставался два года подряд, не нарушая при этом трехпольного севооборота. Хотя с агротехнической точки зрения такие посевы клевера нельзя считать правильными, в условиях трехпольного хозяйства они представлялись наиболее удобными. По признанию Л. А. Пиотрошко, этот прием, выработанный крестьянами самостоятельно без указаний агрономов, заслуживал полного внимания последних<sup>13</sup>.

Убедившись в выгодах травосеяния, общество стало выделять четвертое поле (без определенного севооборота) — так называемое *пестрополье* — или же специальное многолетнее клеверное поле. В пестрополье наряду с клевером, викой и тимофеевкой высевались различные яровые культуры, отсюда и само название — пестрополье. Данный этап развития травосеяния способствовал активизации хозяйственной деятельности крестьянского общинного хозяйства, поскольку потребность выделения по решению общины четвертого поля диктовала столь же настоятельную необходимость распахки пустоши и переверстки пахотных земель. Окончательный переход к четырехполью закреплялся приговором сельского схода и приглашением земского агронома для организации правильного плодосмена.

Параллельно развитию травосеяния происходили обратные процессы, связанные с земельным утеснением. В с. Козьмодемьяновское (Ярославский уезд, Ярославская губ.) крестьяне к моменту составления в 1901 г. пообщинных бланков отказались от травосеяния, распахав одно специальное (вне севооборота) клеверное поле и засеяв его весной овсом, а бывшее четвертое поле, занятое клевером, частично оставили паровать, а часть его превратили в пестрополье и посеяли «кому что угодно»<sup>14</sup>.

Становление плодосмена осуществлялось в русле хозяйственных традиций русского крестьянства и несло на себе их отпечаток. Хозяйственный опыт позволил создать в рамках существующего хозяйства наиболее оптимальные и безболезненные формы перехода к плодосмену. И, что особенно хочется подчеркнуть, переход к плодосмену осуществлялся в соответствии с традициями общинного землепользования. В связи с этим необходимо отметить, что известный тезис об отрицательном воздействии общинных традиций на эволюцию

систем земледелия и крестьянского хозяйства в целом, о жесткой взаимосвязи и взаимообусловленности порядков общинного землепользования и трехполья решительно вступает в противоречие с данными этнографических и исторических источников. Распространению многополья в центрально-нечерноземных губерниях, например, во многом способствовало увеличение общественных запасок. Так, в Рузском уезде Московской губ. в 1885 и 1886 гг. было организовано по шесть общественных запасок, в 1887 г. — 27, в 1888 г. — 21, в 1889 г. — 29. Часть общественных запасок многие «общества» отводили для опытов под посевы трав. А на рубеже веков от опытов перешли к четырехполью с общественной запаской четвертого поля клевером. В 1899 г. крестьяне д. Новая Жиздринского уезда Калужской губ. купили у кн. Водбельского 100 и у мещанина Волотова 70 десятин земли в общинное пользование. Эти 170 десятин не были разбиты на поля и на них сеялись яровые и травы<sup>15</sup>.

Функция общины как хранителя коллективного опыта, обеспечивающая его межпоколенную передачу, уже становилась предметом научного анализа. Менее исследована другая, не менее важная хозяйственная функция общины, точнее один из ее аспектов — регулирование процессов хозяйственного развития. Будучи социальным регулятором, община обеспечивала необходимое для развития традиций сочетание динамики и устойчивости. По свидетельству члена Московского общества сельского хозяйства Студенова в селениях с общинной формой землевладения многопольная система земледелия распространялась быстрее, чем при подворном землевладении: «Отдельный крестьянин-общинник, придя к убеждению выгоды для хозяйства перехода от одного севооборота к другому, или о полезности введения в севооборот клевера и прочее, при всяком случае будет толковаться о необходимости принять эти меры, и его проповедь впоследствии увенчается успехом большим или меньшим. Крестьянин-общинник признающий пользу удобрения и начавший применять его на своей полосе (речь идет о фосфоритах. — С. К.), всем будет указывать на разницу в урожае хлеба в зависимости от новой меры, вследствие этого мало-помалу в общественном мнении явится вопрос о необходимости приговора об уничтожении частных поделов<sup>16</sup>.

Динамика традиций изначально поддерживалась поиском и складывавшимся на его основе индивидуальным хозяйственным опытом. Община, концентрируя и затем преобразовывая индивидуальный опыт в коллективный, создавала благоприятные условия для пропаганды агрономических знаний и распространения в крестьянских хозяйствах плодосмена, усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, нетрадиционных агротехнических приемов.

Уполномоченные департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ отмечали, что мысль о посеве трав первоначально возникла только у нескольких крестьян, решавших следовать примеру тех, кто занимался выращиванием семенного клевера. Эта, по словам уполномоченного, малочисленная часть населения всеми силами старалась склонить остальных приступить к посеву и, между прочим, пыталась заручиться поддержкой уполномоченного на сходе, который собирался для решения вопроса о четвертом поле с посевом клевера<sup>17</sup>.

Для хозяйственных традиций русских крестьян центрально-нечерноземных губерний Европейской России начиная с 80-х годов XIX в. в силу известных причин характерно смещение внутренних акцентов со стабильности на динамику, что стимулировало развитие культурных процессов в целом и обеспечивало дальнейшую эволюцию хозяйственных традиций за счет внутренних потенций, создавая одновременно условия для усвоения новаций и сокращения периода включения их в традиции.

Новации, возникающие вне культурных традиций, будучи усвоенными, изменяют облик последних. Включение новаций, детерминированных происходящими в обществе культурными, экономическими и социальными процессами в хо-

зыйственные традиции в земледелии русских крестьян происходило, во-первых, стихийно и, во-вторых, в результате целенаправленного воздействия.

Процесс изменения традиций путем стихийного включения новаций был опосредован влиянием социально-экономических факторов — потребности рынка и втягивание крестьянского хозяйства в систему товарно-рыночных связей сказывались на содержании традиционных приемов земледелия. В одних случаях воздействие этих факторов очевидно, в других прослеживается с трудом, к тому же на разных этапах существования традиций оно было неоднозначным.

Субъектом прямого воздействия на крестьянское хозяйство были правительственные организации, земства, отдельные помещичьи хозяйства, а результатом его — элементы хозяйствования, которые не вытекали непосредственно из опыта, составляющего содержание традиции. Степень усвоения новации и темпы включения ее в традицию были различны и зависели от целого ряда причин.

Одной из сторон деятельности Министерства государственных имуществ (далее — МГИ) в лице его Департамента сельского хозяйства являлось распространение и внедрение в хозяйственную практику государственных крестьян различных улучшений. В 1857 г. Департамент издал распоряжение о безденежной раздаче с учебных ферм семян кормовых трав крестьянам и священникам в «казенных» селениях. После объявления Костромской губернской палатой этого распоряжения Министерства 20 крестьян и 6 священников выразили желание заняться травосеянием<sup>18</sup>. В тех же видах в 1865 г. чиновникам МГИ по особым поручениям вменено было при разъездах по волостям в разговорах с крестьянами объяснять пользу вводимых в употребление местными землевладельцами улучшенных сельскохозяйственных орудий и указывать место приобретения как этих орудий, так и семян лучших сортов ржи, овса, гречи, проса и т. п. Сверх того, для ознакомления крестьян «с улучшенными приемами обработки земли, в особенности огородной» губернскими палатами приобретались в единичных экземплярах одноконные плуги и углубители, и во «время действия этими орудиями» приглашались соседские крестьяне. «За всем тем,— говорится в отчете одного из уполномоченных,— крестьяне по неразвитости своей придерживались обычаю, освещенному временем, не очень охотно принимают за улучшения, а в большей части придерживаются прежнему порядку»<sup>19</sup>.

Обвинения крестьян в консерватизме, нежелании отходить от дедовских обычаев, по-видимому, несправедливы. Они основаны на непонимании практического склада ума крестьянина. Критическое отношение к новым сельскохозяйственным орудиям и машинам объяснялось не косностью крестьянства, а конкретными условиями его хозяйственной деятельности. Если для обслуживания молотилки требуется семь человек («от молотилки никакого толку, при ней ведь надо 7 человек народу») <sup>20</sup>, если веялка дорога («веялка еще туда-сюда, да, поди, дорога очень») <sup>21</sup>, а жнейка путает солому и убирает не очень чисто («машина жнет, нашему брату совсем не годится: мы каждым колоском дорожим, а она и солому путает и колосьев при ней много даром валится... наши серпы куда как лучше») <sup>22</sup> — крестьянин при незначительном наделе, нехватке рабочих рук в страду, потребности в соломе и заботе о каждом колоске останется к этим машинам равнодушен. Но, как только он почувствует выгоду от их использования, то без сомнения, будет искать способы их приобретения.

По этому поводу один из руководителей Московского общества сельского хозяйства И. Н. Шатилов писал: «Не смотря на практическое знакомство их (крестьян.— С. К.), с преимуществом машинной молотбы перед цеповой, не держались ли они упорно сей последней до тех пор, пока не появились лет 5 тому назад дешевые сторублевые молотилки. Теперь же эти машины приобрели в значительной части хлебородных губерний полное право гражданственности, несмотря на недостатки своей конструкции. По имеющимся сведениям, в истекшем году их было построено и продано только в Сапожковском и соседних уездах Рязанской губернии более 2 000 штук» <sup>23</sup>.

Заметное воздействие на хозяйственные традиции путем распространения научных агрономических знаний и внедрения в хозяйственную земледельческую практику крестьян нетрадиционных приемов оказывали земства. В 1890-х годах при земских управах стали создаваться хозяйственные склады, где можно было приобретать сельскохозяйственные машины и орудия, различные сорта семян и пр. Заведовали ими земские агрономы, которые обязаны были рекомендовать управе выписку семян и орудий, разъяснять крестьянам употребление плугов, молотилок, сортировок и, если в этом возникала необходимость, показывать на практике их применение; помимо этого агрономы по поручению управы выезжали в селения для оказания помощи в обработке полей и лучшей организации сельскохозяйственного производства в целом<sup>24</sup>.

Согласно сведениям, опубликованным «Костромскими губернскими ведомостями» в 1892 г., — втором году существования сельскохозяйственного склада при Костромской губернской управе, наибольший интерес крестьяне проявили к закупке «хлебных семян», которых было приобретено на сумму 1877 руб. Семян клевера, тимopheевки и др. трав закупили на 521 руб., машин и орудий — на 215 руб, а всего — на сумму 2613 руб. Но уже в 1893 г. эта сумма увеличилась более чем вдвое. К сожалению, мы не располагаем данными о структуре крестьянских закупок и их динамике в 1893 и в последующие годы.

Земства же выступили инициаторами распространения и применения фосфоритов в качестве удобрения. Через сельскохозяйственные склады они предлагали крестьянам наряду с семенами, сельскохозяйственными орудиями и т. п. и фосфориты. Первые случаи использования крестьянскими хозяйствами фосфоритов в Калужской, Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской губерниях относятся к 80-м годам прошлого века, а к концу столетия опыты по их применению становятся достаточно распространенным явлением, однако, еще не вошедшим прочно в сельскохозяйственную практику. Использование фосфоритов в качестве удобрения сдерживалось ограниченными финансовыми возможностями крестьянского двора и отсутствием у крестьян необходимых знаний. Последнее обстоятельство неблагоприятно сказывалось на результатах опытов и нередко вело к отказу от употребления фосфоритов. Согласно «Своду сообщений добровольных корреспондентов о переменах в технике крестьянского хозяйства» во Владимирской губ., было зафиксировано немало попыток со стороны крестьян использовать фосфориты вместо навоза или в дополнение к нему. Благоприятные результаты отмечались только в трех корреспонденциях и то в одном случае крестьяне объясняли и не без оснований урожай ржи сам-пять тем, что этот участок прежде хорошо удобрялся навозом, а «потому, — заключает составитель свода, — в силу фосфорита не верят»<sup>25</sup>.

Другим источником распространения новаций были помещичьи хозяйства, организованные на основе последних достижений науки и передового практического опыта с применением новейших сельскохозяйственных машин и приспособлений. Крестьяне, жившие поблизости от таких хозяйств и имевшие возможность наблюдать организацию в них сельскохозяйственного производства, мало-помалу начинали перенимать отдельные приемы, их последовательность и пр., преимущественно те, которые в меньшей степени, нежели другие, расходились с обычной практикой ведения крестьянского хозяйства. Носителями новаций становились также наемные рабочие помещичьих хозяйств<sup>26</sup>.

Часть помещиков, особенно те, кто стремился вести свое хозяйство в соответствии с агрономической наукой, способствовали распространению среди крестьян нового для них удобрения путем проведения открытых опытов по внесению фосфоритной муки под посевы ржи. К участию в опытах приглашались крестьяне. Они присутствовали в момент внесения фосфоритов в почву и могли сравнивать урожайность ржи на различных опытных участках: удобренных навозом, навозом с примесью фосфоритов, одними фосфоритами и не удобренных вовсе.

И наконец, еще один источник распространения фосфоритного удобрения.

Предприниматели, занятые производством и продажей фосфоритной муки, руководствуясь потребностями сбыта своей продукции, предоставляли крестьянам возможность удобрять свои поля на льготных условиях. Они давали фосфориты в долг — до осени (до уборки урожая).

Попытки введения новаций и улучшения способов ведения хозяйства путем включения в программу церковно-приходских училищ начал научных агрономических знаний и усиления ее практической ориентации исходили от православной церкви. В 1892 г. Костромское Александровское православное братство обратилось к департаменту земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия с прошением о пособии на учреждение при Хриплевском училище сельскохозяйственной фермы с преподаванием уроков сельского хозяйства<sup>27</sup>.

Независимо от того, каким путем шло распространение новаций, способы усвоения нового и последующего включения его в традицию имели ряд общих принципиальных черт.

Во всех зафиксированных случаях введению новации в хозяйственную практику предшествовал этап, за которым следовали попытки практической реализации нетрадиционных агротехнических приемов, использования новых сельскохозяйственных машин и орудий. Инициаторами введения новаций в хозяйственную практику выступали крестьяне-экспериментаторы — люди более склонные к восприятию нового, носители прогресса в земледелии. По свидетельству корреспондента «Земледельческой газеты» Н. Владимирова после его весьма успешных экспериментов, рожь, посеянная по фосфориту, несколько не уступала «навозной». У него перебивало до тысячи крестьян. После этого некоторые стали приобретать по два-три пуда фосфоритов для опытов на своих полосах<sup>28</sup>.

Прежде чем войти в традицию, новация как результат заимствования проходит проверку индивидуальным опытом. Отдельные крестьяне-экспериментаторы были носителями прогресса в земледелии, людьми более склонными к восприятию нового. Если результаты нововведений оказывались обнадеживающими, то со временем они становились достоянием коллективного опыта. Индивидуальный опыт служил своего рода передаточным механизмом от появления новации, не усвоенной культурной традицией, до включения ее в традицию.

Способность крестьян к восприятию нового и стремление использовать его в своей хозяйственной практике не раз отмечались наблюдателями крестьянского быта: «... встречи и разговоры производят... заметное воздействие на жизнь крестьян. Лет 15 тому назад моя мать где-то добыла себе и развела на огороде исполинский сахарный горох Маренгейма. Горох пришелся и по климату и по почве и удался великолепно. Крестьянки, заходя в огород, любовались на исполинские стручья гороха и многие из них просили у матушки семян. Та дала им и в конце концов в настоящее время у многих крестьян разводится исполинский горох и, мало того, горох этот все более вытесняет ростовский мелко-стручный горох, росший прежде на огородах»<sup>29</sup>. Слова эти принадлежат корреспонденту этнографического Бюро Тенишева по Пошехонскому уезду Ярославской губ. А. В. Балову. «Идут ли крестьянам на пользу уроки, которые дают им жизнь, наблюдения и встречи?» — задается вопросом А. В. Балов. По его мнению, на этот вопрос нельзя ответить однозначно. Все зависело от личных качеств каждого крестьянина: одному жизненные уроки идут на пользу, для других, напротив, уроки этих проходят бесследно<sup>30</sup>.

Крестьянская земледельческая культура — явление более динамичное, чем некоторые другие сферы традиционно-бытовой культуры, и стабильность крестьянского быта нередко сочеталась с хозяйственной предприимчивостью. Подобная ситуация в ряде случаев была зафиксирована корреспондентами Этнографического Бюро Тенишева. Упомянутый выше А. В. Балов сообщал, что крестьянин д. Кочкино Пошехонского уезд. Ярославской губ. Руф Яковлевич, придерживающийся старины в домашнем быту, первым устроил в своей дерев-

не нечто вроде водопровода на скотный двор (вода текла по желобам), он же первым ввел в употребление ранний картофель<sup>31</sup>.

Проводником нового в крестьянское хозяйство часто выступала крестьянская молодежь, как правило, побывавшая на стороне и желавшая испробовать дома увиденное и подмеченное. Однако, не будучи еще независима в принятии хозяйственных решений, она не всегда в состоянии была осуществить свои замыслы. Если же это удавалось, то дальнейшая судьба нововведений — последуют им остальные крестьяне или нет — зависела от их результатов.

Изменения, происходящие за счет процессов внутренней динамики хозяйственных традиций, только в широком философском понимании могут рассматриваться как новации; в конкретном историко-этнографическом смысле такие изменения представляют собой результат внутренней эволюции данной культурной традиции.

Собственно новации — это другой, внешний, потенциально возможный путь изменения содержания хозяйственных традиций. Взаимодействие двух тенденций выводит хозяйственные традиции и земледельческую культуру в целом на качественно новую ступень, что говорит в пользу понимания традиции как процесса непрерывного развития и обновления.

#### Примечания

<sup>1</sup> Чистов К. В. Традиционные и вторичные формы культуры // Расы и народы. 5. М., 1975; Козлов В. И. Этнос и культура // Сов. этнография. 1979. № 3; Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Сов. этнография. 1981. № 2; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерк теории. Л., 1986; Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.

<sup>2</sup> Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири. (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск. 1975. С. 3.

<sup>3</sup> Маркарян Э. С. Указ. раб.

<sup>4</sup> Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. 1. Вып. 1. Кострома, 1901. С. 28.

<sup>5</sup> Государственный архив Костромской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 706. Л. 9.

<sup>6</sup> Сборник статистических сведений по Костромской губернии. С. 28.

<sup>7</sup> Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. С. 119.

<sup>8</sup> Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 270.

<sup>9</sup> Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. С. 108.

<sup>10</sup> Государственный музей этнографии народов СССР (далее — ГМЭ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1756. Л. 15.

<sup>11</sup> Прянишников Д. Н. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1953. С. 166—167.

<sup>12</sup> Суриков В. М. Вопросы истории систем земледелия в творчестве Д. Н. Прянишникова // Материалы по истории сельского хозяйства СССР. М., 1968. С. 327.

<sup>13</sup> Пиотрошко Л. А. Травосеяние на крестьянских землях Ярославской губернии до 1904 г. Ярославль, 1904. С. 30.

<sup>14</sup> Государственный архив Ярославской области. Ф. 642. Оп. 5. Т. 3. Д. 72. Л. 172.

<sup>15</sup> ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 485. Л. 7—8.

<sup>16</sup> Центральный государственный исторический архив г. Москвы. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2146. Л. 5.

<sup>17</sup> Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА). Ф. 398. Оп. 67. Разр. 2. Д. 171. Л. 288 об.—289.

<sup>18</sup> Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губерния. СПб., 1861. С. 236.

<sup>19</sup> ЦГИА. Ф. 389. Оп. 30. Д. 11288. Л. 189—190.

<sup>20</sup> ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1813. Л. 18.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Там же. Л. 18—19.

<sup>23</sup> Шатилов И. Н. О мерах к развитию русского сельскохозяйственного машиностроения // Тр. ин-п. Московского о-ва сельского хозяйства. М., 1881. С. 65.

<sup>24</sup> Костромские губернские ведомости. 1893. № 35.

<sup>25</sup> Свод сообщений добровольных корреспондентов о переменах в технике крестьянского хозяйства во Владимирской губ. Владимир, 1897. С. 7.

<sup>26</sup> Костромские губернские ведомости. 1893. № 22.

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Там же.

<sup>29</sup> ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1787. Л. 24 об.

<sup>30</sup> Там же. Л. 26.

<sup>31</sup> Там же.